

An illustration of a family in an office. A man in a Russian police uniform sits at a desk with a young girl on his lap, both writing on a document. A woman sits opposite them, also writing. The scene is lit by a desk lamp, with a bookshelf in the background.

Алла Ларина

Звездочка для майора
ПАПУ(не)ВЫБИРАЮТ

Алла Ларина

**Звёздочка для майора.
Папу (не) выбирают**

«Автор»

2026

Ларина А.

Звёздочка для майора. Папу (не) выбирают / А. Ларина —
«Автор», 2026

– Мы сбежали, малышка, – шепчу на ухо дочке. – У нас получилось! Мы почти в безопасности! Мои банковские карты выброшены в мусорный контейнер возле торгового центра. Мой мобильный едет в такси, засунутый в щель между сиденьем и дверью. Мне оставалось только исчезнуть на время вместе с дочкой. Но я и понятия не имела, где именно меня подстережёт прошлое, которое я отчаянно пыталась забыть. И уж тем более не ожидала, что мне на помощь придёт человек, который должен был меня ненавидеть.

© Ларина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алла Ларина

Звёздочка для майора. Папу (не) выбирают

Глава 1

– Мы сбежали, звёздочка моя, – шепчу на ухо дочке. – У нас получилось! Мы почти в безопасности! Осталось немножко!

Мои банковские карты выброшены в мусорный контейнер возле торгового центра, чтобы не дать себе воспользоваться ими даже в самой безвыходной ситуации.

Мой мобильный сейчас едет в такси, засунутый в щель между сиденьем и дверью – и, надеюсь, максимально удаляется от нас.

Мне действительно осталось совсем немного – нужно всего лишь подать заявление. И исчезнуть на время вместе с дочкой. Дальше процесс будет запущен.

И для этого я выбираю максимально обычное отделение полиции в таком районе, где меня никому не придёт в голову искать.

На мне обычный тёмный пуховичок и шапка, надвинутая по самые глаза. Дочку тоже одела в простой синий комбинезончик.

Некстати вспоминается ненавистное лицо Виктора и высокомерный голос, cedящий сквозь зубы:

– Почему опять пятна на одежде?! Неужели этот ребёнок не может быть аккуратным? Что за дешёвку ты на неё нацепила? Переодень! Одежда – это статус, дорогая, а у меня всё должно быть самое лучшее.

Меня передёргивает, по спине ползёт холодок, и я сильнее прижимаю к себе Дану.

– Мама? – малышка заглядывает мне в лицо.

– Всё хорошо, звёздочка, всё хорошо, мы уже почти на месте, – киваю ей.

– Хочу ножками! – дочка выкручивается из моих рук, тянется вниз.

– Сейчас пойдёшь ножками, – перехватываю малышку поудобнее.

Мне так и кажется, что все на меня смотрят.

Что сейчас кто-нибудь закричит: «Вот она!»

А потом из темноты выступит Виктор.

Разведёт руками и укоризненно покачает головой.

«Подойди ко мне, дорогая, нам нужно поговорить...»

Нет!

Сбрасываю с себя морок. Расправляю плечи, морщась от тут же вспыхнувшей боли, оглядываюсь. На улице и нет никого! Чего ты боишься, дурочка? Вон, только бабулька выгуливает трясущуюся мелкую собачку, да парочка мам гуляют по аллее с колясками.

Выдохнув, поправляю сумку и твёрдым шагом иду по направлению к зданию с единственной дверью, над с которой на синем фоне светятся белые буквы – полиция.

Захожу внутрь и оглядываюсь. Я боялась, что внутри будет грязно или... ну... как-то страшно, но на деле ничего такого. Довольно чисто, светло, по правую руку большое забранное решёткой внутреннее окно, на котором написано «Дежурная часть».

Именно это мне и надо.

– Добрый вечер, – несмело обращаюсь к мужчине, сидящему там, внутри. – Я... могу подать заявление?

– Здравствуйте, – у него усталое и немного равнодушное лицо.

Или мне так кажется, потому что я заранее настроила себя, что помощи здесь нам с Даной не дожидаться? Хотя что это я. Собственно, помощь мне и не нужна. Нужно только заявление, по которому они обязаны будут начать проверку.

– Что у вас случилось, какое заявление вы хотите подать? – уточняет дежурный.

– Я хочу заявить... – глотаю воздух, решаясь, – на мужа.

– Вы или ребёнок, – полицейский кидает взгляд на Дану, сидящую у меня на руках, – подверглись избиению? Пострадали?

– Д-да, – опускаю голову.

Мне отчего-то невыносимо стыдно признаваться в этом.

Наверное, оттого, что в голове сразу звучит голос мамы:

– Нина, ты же женщина, должна быть мудрее! Не надо раздражать Витеньку. Ты же знаешь, какой у него вспыльчивый характер. Ну устаёт человек на работе, вон у него какой бизнес, конечно, там всё сложно, – домой приходит раздражённый, а ты ещё выступаешь вместо того, чтобы промолчать и порадовать его чем-нибудь! Конечно, он срывается!

Я плохая жена.

Мне твердят об этом все.

Одного не пойму – если я такая плохая, что же меня терпят?

«Ты не плохая», – говорю себе.

Это манипуляция.

А Виктор – больной ублюдок.

– Это первый эпизод насилия в семье? – продолжает задавать вопросы полицейский.

– Н-нет, не первый, – выдавливаю из себя тихо.

– Раньше с заявлениями обращались? – его голос становится ещё скучнее.

– Нет, не обращалась, – ещё тише.

– Пострадали только вы, или ребёнок тоже?

– Только я.

Считать ли Дану пострадавшей, если малышка вздрагивает от каждого резкого звука? От любого повышения голоса?

– Брак оформлен по закону? – дежурный достаёт откуда-то снизу листы, ручку, кидает взгляд на меня. – Ребёнок у вас с мужем общий?

Невольно вздрагиваю, колени на какое-то мгновение слабеют.

Взбешённый, трясущийся от ярости голос в ушах:

«Только посмей хоть кому-нибудь рассказать! Уничтожу!»

– Да, общий, – выдыхаю, не справившись с голосом.

– Хорошо, берите тогда бумагу, садитесь, пишите, – мужчина вздыхает. – Образец шапки вон там есть, заполните, дальше я подскажу, что и как.

Киваю молча, забираю листы и уже собираюсь отвернуться, когда дежурный полицейский вдруг быстро вскакивает с места, глядя куда-то мне за спину.

– Здравия желаю, товарищ майор! – козыряет бодро, как будто не сидел тут только что полусонный.

– Добрый вечер, Илья Вадимович, – раздаётся спокойное «не по уставу». – Что тут у вас?

А я каменею, не в силах обернуться.

Потому что узнала этот голос.

Господи, пожалуйста, только не он! Почему именно сейчас?!

Почему я не выбрала любое другое отделение?!

Глава 2

Втягиваю голову в плечи, невольно сжимаясь, чтобы стать как можно более незаметной. Хотя шансов у меня немного. В отделении пусто, никого кроме нас с Даной.

Которая именно в этот момент решает, что сидеть у меня на руках ей надоело.

– Мама, пусти-и!

– Солнышко, здесь нельзя шуметь, – шепчу быстро, спуская дочку на пол, но придерживая одной рукой за плечики. – Тут надо вести себя тихо и спокойно.

– Как с папой? – моя малышка смотрит на меня, широко раскрыв испуганные глазёнки, и я сглатываю вставший в горле ком.

– Нет, не как с папой, – качаю головой и добавляю совсем тихо: – Нас не обидят.

Дана прижимается ко мне сбоку, и я обнимаю свою малышку.

Поднимаюсь, пряча лицо за густыми распущенными свисающими из-под шапки волосами.

Пожалуйста, пусть он не обратит на меня внимания. Пусть не узнает.

Пусть даже... сделает вид, что не узнает! Я на всё согласна!

– Я могу что-то для вас сделать? – тот же густой низкий голос, но в нём, в отличие от тона дежурного, явственно слышно участие.

Готовность помочь.

И от этого у меня даже слёзы наворачиваются.

Пока не вспоминаю, что как только он меня увидит – моментально передумает не то что помогать, вообще...

– Нет, спасибо, – хриплю не своим голосом, откашливаюсь. – Спасибо, мы... сами.

– Девушка пришла подавать заявление на супруга, – встревает дежурный полицейский. – Там административка, товарищ майор.

– Вот как, – тон у него становится холоднее, но, кажется, ко мне это не имеет никакого отношения, потому что я тут же слышу произнесённое негромко и явно только для меня: – Вам помощь нужна? Что-то с ребёнком?

– С ребёнком всё в порядке, – шепчу, еле шевеля губами.

– Значит, с вами, – утвердительное сверху. – В травмпункте были? Побои, следы, синяки сняли?

Мотаю головой, волосы ещё сильнее падают на лицо.

– Послушайте... – чувствую прикосновение к своему плечу и невольно сжимаюсь, отшатываясь.

Майор замолкает на секунду, похоже, делая для себя выводы, а потом негромко продолжает:

– Вам здесь никто не причинит вреда. Вы сейчас напишете заявление, потом пойдёте в ближайшую больницу, там вас осмотрит врач. Вам есть к кому пойти потом?... Можете посмотреть на меня? Не надо стесняться и стыдиться синяков, – говорит вдруг и жёстко добавляет: – Их должен стыдиться тот ублюдок, по вине которого они появились.

Дело не в синяках.

На лице у меня их и нет.

Виктор всегда прекрасно понимал, что окружающие со временем перестают верить тому, что жена споткнулась и влетела в косяк или поскользнулась в ванной и разбила лицо о раковину. Да и потом, я должна была быть витриной. А витрину держат в порядке.

Просто...

Если я сейчас подниму голову, то...

Всё его стремление помочь тут же испарится, как капля воды на раскалённой сковородке.
– Девушка, ну так вы будете писать? – отвлекает меня дежурный. – Вот бумага, и ручка тоже, я вам вынес.

– Мама? – снизу от прижимающейся ко мне Даны.

Выбора у меня всё равно нет.

Как не было всё это время. Как мне не оставили его несколько лет назад.

Когда заставили расстаться с будущим женихом – я тогда думала, что всего на пару месяцев.

А оказалось – что на целую жизнь.

Жизнь, в которой я не знала, что бывают такие, как Виктор.

Жизнь, в которой я любила вот этого мужчину, стоящего передо мной.

Я поднимаю голову и смотрю в глаза Эдуарду Багрицкому.

Он, кажется, в первый момент не понимает, кто перед ним. И только спустя несколько секунд на лице появляется осознание – и шок.

– Нина?!

Закусываю губу, отводя взгляд. Не хочу смотреть, как в его глазах полыхнёт ненависть, как он отвернётся. Пусть уходит.

– Давайте, я возьму, – говорю дежурному, который переводит взгляд с меня на своё начальство и обратно.

– А-а, да-да, – спохватывается мужчина, протягивает мне ручку. – Вот, держите. За стол можно вон там сесть.

– Спасибо, – вымученно улыбаюсь ему. – Звёздочка, иди сюда, подожди маму минуточку.

Кажется, Багрицкий только сейчас заново замечает девочку, прижавшуюся к моему колену. Но я не смотрю в его сторону. Просто осторожно опускаюсь на стул, нахожу глазами образец шапки заявления и начинаю писать.

– Нина, какого чёрта?! – слышу тихое и злое совсем рядом.

Всё-таки не ушёл.

Хочет насладиться моментом собственного триумфа?

Ну как же, встретить собственную бывшую невесту в тот момент, когда она пришла писать заявление на побои от мужчины, которого предпочла своему бывшему жениху... Так ведь это выглядит в его глазах.

Кидаю искоса взгляд на Багрицкого, продолжая писать. Он стоит, засунув руки в карманы, смотрит на Дану, которая ковыряет пальчиком стёсанный и обтрёпанный угол стола.

– Простите, пожалуйста, – ищу глазами дежурного, – я дописала шапку, вы мне сказали, что подскажете, как и что дальше писать.

– Э-э... – полицейский кидает неуверенный взгляд на Багрицкого, потом снова на меня. – Да, конечно, давайте я...

– В мой кабинет, – отрезает ледяным тоном Эдуард.

Глава 3

Дежурный испаряется моментально, оставляя меня наедине с майором. А я, закусив и без того уже искусанную губу, опускаю глаза.

Ну почему он не может просто уйти?

Сердце у меня ноет с такой силой, словно на нём ссадины размером с ладонь.

– Бери девочку и за мной, – повторяет Багрицкий, отворачиваясь и доставая ключи.

– Заявление... – начинаю с трудом.

– Заявление тоже бери, – в меня мечут яростный взгляд.

Возражать дальше у меня не хватает духа.

Все силы воли ушли на то, чтобы организовать свой побег. А теперь у меня словно под ногами никакой опоры не осталось.

– Заходи, – Эдуард открывает кабинет, мы с Даной проходим следом, – садись, – указывает на стул. – Сколько девочке?

– Два года и три месяца, – отвечаю тихо.

Тихий вздох, который, кажется, только слышится мне.

Он ведь и без того понимал, что это не может быть его дочь. Да и вообще, разве ему не всё равно?

Мстительно думаю, что Дана – только моя! Этого у меня не отнимет даже Виктор! И пусть он грозил мне всеми возможными наказаниями, если я расскажу хоть кому-то, что так и не смогла забеременеть от него, что мы в итоге воспользовались донорским материалом...

Ну как же! Виктор Апраксин, бизнесмен и миллионер, не может быть бесплодным. Он ведь настоящий мужчина! Уважаемый партнёрами, с налаженными контактами... умницей женой и прекрасной дочкой.

Ложь. Всё ложь, от начала и до конца.

– Почему ты пришла сюда? – Багрицкий отходит от меня подальше, что в небольшом кабинете сложно, прислоняется к краю стола, за которым я сижу.

– Я не знала, что ты тут работаешь, – говорю устало.

– Иначе не явилась бы? – в меня впивается цепкий взгляд.

– Да, выбрала бы другое место, – киваю, стягивая с дочки шапку.

Здесь теплее, чем в холле отделения, как бы она не вспотела.

Молчание, которое повисает между нами, слишком тяжёлое, и я не выдерживаю первой.

– Эдуард, зачем ты привёл нас сюда? Я не собиралась пользоваться нашим знакомством, – горько усмехаюсь. – Мне просто нужно было написать заявление, и чтобы его приняли и... как это у вас называется, зарегистрировали? Ну, в общем, внесли в ваши документы, чтобы дать делу ход.

– Да, заявление нужно сфотографировать и обязательно зафиксировать факт подачи, – машинально отвечает майор, – дежурный выдаст талон, на котором стоит дата и время... Так, стоп, ты серьёзно сейчас? Дали ход делу? Твой муж что, не Виктор Апраксин?

На какое-то мгновение думаю, что ему было не всё равно. Он знает, как зовут моего мужа, значит, узнавал что-то обо мне... А потом до меня доходит, что я же видела его тогда, после регистрации... о нашей свадьбе только глухой не слышал, да и тому на пальцах показали. Виктор устроил из всего этого такое шоу, что тут не захочешь – а в курсе будешь.

– Я неверно выразилась, – отвечаю тихо, притягивая к себе Дану и теперь уже расстёгивая ей комбинезончик сверху.

– Мама, пить, – хнычет дочка.

Ну вот, ей всё-таки уже жарко!

– Сейчас, малышка, – торопливо лезу в сумку, достаю бутылку с водой.

Пока Дана пьёт, поднимаю глаза на Багрицкого.

– Мне просто нужно подать заявление, – прошу его.

– А дальше что? – он складывает руки на груди. – Ну, допустим, мы его примем. Кстати, это ведь вообще не наш округ. В этом случае сигнал передаётся по месту жительства. А там к вам домой придёт участковый, – усмехается, качает головой, словно сам не верит своим словам. – Ты что, надеешься засадить Апраксина под арест? – с язвительной насмешкой смотрит на меня. – Да ему даже штраф не назначат!

Молчу, глядя на дочку.

Разумеется, я не надеюсь на штраф или арест.

Мне обещали другое.

Виктор сейчас активно продвигается в политику. Он уже достиг определённого уровня, но в скором времени ему должны предложить кое-что получше.

У меня очень амбициозный муж. А ещё у него великолепная репутация. Никаких скандалов, ничего.

Но на меня вышел один из его конкурентов. Виктор раньше вёл с этим мужчиной дела. Похоже, тот оказался значительно более наблюдательным, чем все остальные. И обещал мне помощь, если я организую скандал. На фоне последних событий и движений, когда разоблачали насильников и абьюзеров, пользовавшихся своим служебным положением, могла подняться волна... И путь в политику был бы для Виктора закрыт.

Мне было всё равно, что Михаил – тот, кто предложил мне помочь – преследовал свои цели. Ему надо было закопать конкурента.

Я больше не могла жить в постоянном страхе за дочь и за себя. Поэтому согласилась.

Но до момента, пока не подам заявление, мне нужно было действовать самой. То ли Михаил не доверял моему желанию сбежать от мужа, то ли боялся, что Виктор узнает о моих планах – а может, и то, и другое, и ещё пара неизвестных мне причин. Но, по его словам, сделать что-то до подачи заявления он не мог.

Видимо, ему нужна была шумиха. Я подозревала, что он договорился с каким-нибудь репортёром или новостными пабликами, чтобы они выпустили новость, а он сам остался не при делах.

– Что ты молчишь? Нина? – Багрицкий отодвигается от стола, сверлит меня взглядом.

– Я не могу сказать, – качаю головой. – Просто... пожалуйста... дай мне написать заявление. Чтобы оно было составлено по всем правилам. А дальше я исчезну из твоей жизни и можешь снова меня забыть.

Глава 4

– Забыть? – он внезапно зло усмехается. – Вот как, значит.

– Да, забыть, – повторяю упрямо, отвожу глаза.

Сердце колотится так сильно, что я словно чувствую каждый удар. Хочется прижать руку к груди, но сдерживаю себя.

Глупое, глупое сердце. Прекрати стучать. Бессмысленное занятие.

Заставляю себя не смотреть на его руки. Он наверняка женат. Не хочу увидеть обручальное кольцо. Опускаю взгляд на свои пальцы – я, стоило нам с Даной уехать, стянула с безымянного свое обручальное с бриллиантом и широкое золотое с гравировкой, которое Виктор надел мне при регистрации.

Выбрасывать не стала, хотя очень хотелось.

Но решила, что это слишком глупый и киношный жест. Кто знает, что может случиться. Дорогое кольцо – страховка на всякий случай.

И, думаю, Виктора куда больше оскорбит тот факт, что жена отнесет кольцо в ломбард, а не гордо бросит в реку с моста.

– Ну что ж, пиши, – Багрицкий снова отходит подальше, сует руки в карманы. – Заявление может быть написано в свободной форме, но тебе нужно в подробностях описать... – запинаясь, открывает рот, собираясь что-то сказать, закрывает, потом наконец произносит как-то сдавленно: – нужно в подробностях описать, каким образом... было совершено... насилие.

Отворачивается на секунду, а я слатываю.

Я, в общем-то, так и предполагала.

Но когда это говорит он... Звучит значительно хуже.

Просто отвратительно звучит, честно говоря.

– Нужно написать подробно, – тем временем продолжает майор с паузами, – куда были направлены удары, в какую... часть тела. Использовал он подручные средства или нет, руки были... сжаты в кулаки или удары наносились открытой ладонью...

– Хватит, – прошу, кое-как выдавливая из себя слова. – Я поняла. Дальше можно не объяснять.

– Я оставляю вас на пару минут, – Багрицкий как-то дергано подходит к двери, открывает. – Сюда никто не зайдет, не переживай.

– Хорошо, – договариваю растерянно, глядя в уже захлопнувшуюся створку.

– Мама, на йучки! – тянется ко мне Дана.

– Сейчас, малышка, подожди немножко, маме нужно сделать важное дело, – прошу дочку, пододвигаю к ней один из листочков бумаги и карандаш. – Порисуй пока? Нарисуй цветочек? Или кошечку? Смотри, я тебе тут голову нарисую, – быстро делаю набросок, – а ты дорисуй хвостик и ушки.

Дана начинает, пыхтя, калякать на листе, а я возвращаюсь к заявлению.

Не знаю, сможет увидеть его кто-то из тех, кого наймет Михаил, чтобы раздуть скандал. Но решаю, что какие-то подробности так или иначе нужны, без них не обойтись. И потом, в полиции должны его принять, так что лучше сделать все по правилам.

Писать оказывается очень тяжело. Хотя я себя и готовила к этому, но с трудом выписываю слова – кажется, что от того, что история переносится на бумагу, она становится реальнее, чем была на самом деле. Поэтому когда через почти пятнадцать минут, а не через пару, как обещал, возвращается майор, дело у меня еще даже до половины не доходит.

Поднимаю взгляд на сумрачного Багрицкого и невольно хмурюсь. Как-то он выглядит... не так.

Ничего не понимаю.

– Я еще не закончила, – говорю тихо.

– Я не тороплю, – он качает головой.

Отворачивается, обращая внимание на Дану, которая с любопытством смотрит на него.

– Дядя, – говорит вдруг, тыкая пальчиком.

Замираю на секунду, глядя на дочку.

Она вообще-то с большим недоверием относится к мужчинам.

И неудивительно.

Но тут...

Багрицкий вдруг присаживается на корточки перед Даной, и она не шарахается ко мне, как это бывает обычно, а продолжает стоять, наклонив головку и с интересом разглядывая его лицо.

– Привет, как тебя зовут? – спрашивает первый.

– Дана, – моя звездочка улыбается. – А тебя?

– А меня... Эдик, – сокращенное имя звучит так непривычно от него.

– Это ты! – Дана протягивает мужчине листок с рисунком, и тот берет его, серьезно вглядывается в абстрактные каляки-маляки.

Я внезапно замечаю, что костяшки на руке у него сбиты... в кровь!

Невольно свожу брови.

Этого же только что не было?... Или я просто не заметила?..

– Очень похоже, – кивает тем временем Багрицкий Дане одобрительно.

– Малышка, иди ко мне, не надо отвлекать дядю полицейского, – прошу тихо, но майор перебивает:

– Она меня не отвлекает. Пиши, – кивает на заявление. – Мы с Даной сами пообщаемся.

В глазах у меня щиплет, слезы подступают к горлу, и я резко отворачиваюсь, утыкаясь в чертовы листы.

Что бы я только не отдала...

Сосредотачиваюсь на заявлении, торопясь закончить его поскорее. Буквы прыгают вкривь и вкось, налезая друг на друга, но я заставляю себя выводить и выводить слова, и еще через десять минут наконец ставлю последнюю точку.

Багрицкий тем временем что-то показывает Дане на еще одном листе бумаги, водя ее рукой вместе с зажатым в ней карандашом. То и дело кидаю на них взгляды, но дочь спокойна, и мужчина, как ни странно, тоже абсолютно нормально с ней разговаривает, терпеливо и негромко – для малышки это важно, на повышение голоса она реагирует моментально.

– Я закончила, – говорю громче, чем нужно, складывая листы и пододвигая их по столу. – Звездочка, иди ко мне.

Протягиваю руки к дочери, Дана уверенно топает в мои объятия. Поднимаю глаза на Багрицкого, который смотрит на нас с каким-то странным выражением на лице.

– Что мне нужно? Подтверждение, что заявление приняли?

Мужчина молча вытягивает руку, в которую я вкладываю два листочка. Невольно усмехаюсь, качая головой.

Какой символический конец. Мало же мне понадобилось, чтобы уместить всю свою боль и несколько лет жизни.

Багрицкий пробегает глазами пару первых строчек и резко откладывает бумаги в сторону.

– Я отдам дежурному, – голос звучит глухо. – Он зарегистрирует.

– Спасибо, – поднимаюсь, держа Дану за руку. – Ну... мы тогда пойдем.

Делаю шаг к двери, но мне преграждают путь.

– Никуда ты не пойдешь!

Глава 5

– Не поняла, – растерянно смотрю на мрачного как туча майора. – Что значит «не пойду»?..

– Это значит, что я тебя с дочерью никуда не отпускаю, – отрезает он, складывая руки на груди. – Вы не выйдете из этого кабинета, пока ты не расскажешь мне от начала и до конца, в чем состоит твой план и как ты собираешься избавляться от своего мужа.

– А тебе не кажется, что это тебя не касается?! – вспыхнув, цежу сквозь зубы.

– Нет, не кажется, – Багрицкий смотрит на меня с какой-то злой, язвительной насмешкой. – Я, позволь тебе напомнить, служу закону. Моя основная задача – защищать тех, кто оказался в опасности и кому требуется помощь, а еще предотвращать и расследовать преступления, направленные в том числе против личности. Ты подходишь под все три определения.

– Вот как, – меня захлестывает злостью пополам с унижением, – я, значит, определение, личность в беде, – невольно повышаю голос, но тут же сдерживаю себя, потому что чувствую, как Дана начинает прижиматься ко мне сильнее.

Вдох-выдох, Нина. Держи себя в руках и не пугай ребенка.

– Выпусти нас, – требую холодно и без эмоций.

– Нет, – Багрицкий качает головой, разводит руками. – Не могу. Даже не проси.

На глазах в который раз за этот день вскипают слезы. Нервы у меня ни к черту в последнее время. Да и неудивительно. Мне все эти годы целенаправленно раскачивали психику, то обвиняя во всех грехах, то "вразумляя" кулаками, то наоборот выставляя меня гостям как образец идеальной жены.

Виктор не скупился на знаки внимания. Цветы, украшения, походы на всевозможные церемонии, встречи с партнерами и конференции.

Щедрый, внимательный, заботливый, любящий муж.

И никто не знал, что дома он превращается в чудовище.

А начни я говорить, мне никто бы даже не поверил. Если уж родная мать не верила и обвиняла во всем меня. "Довела", "сама виновата"... Эти слова рефреном звучали у меня в голове.

Удивительно, как я не сошла с ума.

Наверное, благодаря дочери.

Перед моим лицом внезапно появляется чистый кипенно-белый платок.

– Не надо, пожалуйста, – звучит мягкое. – Вот, возьми. Вытри слезы, сядь и расскажи нормально.

Смаргиваю влагу и фокусирую взгляд на лице мужчины.

Жесткие черты, крепко сжатые челюсти... но глаза у него добрые.

Я внезапно вижу, что он и сам не радуется этой доброте. Может, он меня и ненавидит. Но, кажется, ничего не может с собой поделать.

– Всегда был такой, – бормочу тихо себе под нос, забирая платок.

– Что? – Багрицкий хмурится.

– Ничего, – качаю головой, спускаю Дану с рук и вытираю мокрые щеки.

– Мама, мы по-дем? – дочка задирает ко мне голову.

– Скоро пойдем, малышка, – старательно улыбаюсь ей. – Хочешь еще водички?

– Кушать хочу, – Дана куксится.

С аппетитом у дочери так себе, ест она помалу, и я всегда немного переживаю из-за этого, поэтому обязательно таскаю с собой детские пюре ей на перекус, если вдруг ребенку захочется. Но сейчас, не успев достать их из сумки, слышу немного растерянное.

– У меня есть печенье, – майор отходит к шкафу, открывает. – Извини, почти ничего больше.

– Не надо, спасибо, у меня найдется, – качаю головой, лезу за пакетиком с фруктовым пюре. – Вот, малышка, держи. Это яблочко, как раз как ты любишь.

Подсаживаю Дану на стул, вручаю ей открытую пюрешку, а сама со вздохом смотрю на Эдуарда.

– Мне обещали помощь, – говорю тихо. – Но только после того, как подам заявление.

Быстро в нескольких словах рассказываю, кто и как обещал мне помочь.

– И ты поверила?! – Багрицкий смотрит на меня со смесью сочувствия и еще чего-то, не могу понять чего.

– У меня не было выбора, – качаю головой. – Или, по-твоему, я должна была ждать, как Виктор в очередном приступе ярости убьет меня? Или дочь?!

Меня передергивает, но я продолжаю:

– Мне никто не верил и не верит. Все мои подруги... те, с кем я общалась сначала в школе, потом в университете... Никого не осталось. По требованию Виктора я сменила один номер, затем другой. Мне разрешалось общаться только с такими же женами бизнесменов и только на светских раутах. Я осталась одна. Совсем одна. Мне не к кому обратиться.

Перевожу дыхание, глядя на Дану, которая мусолит пакетик с пюре.

– Я терпела, пока это все касалось только меня, – говорю тихо, почти шепотом. – Но Дана... я сделаю все, я скорее сама убью Виктора... чем позволю ему навредить дочери.

Снова смотрю на Багрицкого, который с нечитаемым выражением на лице разглядывает меня.

– Я планировала обратиться в центр женской помощи, – вздыхаю, пожимаю плечами. – Такие есть, я нашла и заучила несколько адресов и телефонов. Как только заявление примут, а я окажусь там, найду возможность сообщить об этом Михаилу. Он дал мне номер, по которому я могу позвонить, чтобы связаться с ним, только с ним, напрямую. Дальше... дальше я пока не знаю.

Замолкаю, глядя на Эдуарда.

Мужчина сосредоточенно о чем-то размышляет. Видимо, на автомате опирается о стол, но тут же шипит, встряхивая кистью.

А, у него же разбито там все!

– Подожди, у меня есть дезинфицирующие салфетки, – не могу смотреть на этот ужас у него на руке.

– Да не надо, – Багрицкий отмахивается, но я все-таки достаю упаковку и вытаскиваю салфетку.

– Вот, держи, – протягиваю ему, он смотрит на нее, словно не понимает, что с ней делать. Проглотив вздох, сама беру его за запястье и начинаю протирать кровоподтеки.

– Когда только успел, – ворчу машинально, но тут же спохватываюсь. – Извини.

– Не извиняйся, – майор качает головой.

Смотрит на меня, на Дану, снова на меня...

А потом со вздохом выдавливают:

– Поехали. Отвезу вас... в безопасное место.

Глава 6

– Прости, что ты сказал? – смотрю на него растерянно. – Какое безопасное место?

– Конспиративную квартиру в бункере для высших чинов минобороны! – закатывает глаза Эдуард, хотя голос абсолютно серьезный. – Будете там сидеть под замком, без окон и дневного света!

Непроизвольно шарахаюсь назад, а мужчина качает головой.

– Ты совершенно разучилась понимать шутки, – говорит странным тоном.

– Меня успешно отучали на протяжении нескольких лет, – огрызаюсь в ответ, пытаюсь успокоить колотящееся сердце.

– Да, – он, помедлив, кивает. – Я не подумал. Прости.

– Так мы можем теперь уйти? – протягиваю руку Дане, помогая дочке слезть со стула. – Я тебе все рассказала.

– Я же сказал, вы поедете в безопасное место, – терпеливо, словно маленькому ребенку, повторяет Багрицкий.

– Я бы предпочла поехать в центр кризисной помощи женщинам, – говорю тихо.

Просто не могу согласиться. Вот не могу – и все тут.

– Мне пора оскорбляться? – поднимает брови майор. – Ты готова принять помощь левого мутного чувака с непонятными целями и средствами, но отказываешься от моей?

– Чуваку с непонятными целями я не была невестой! – выпаливаю, не успев прикусить язык.

И застываю, ощущая, как изнутри к горлу поднимается тошнота и невыносимое чувство вины.

Эдуард не может знать, что произошло и почему я внезапно оказалась замужем за Виктором. Хотя обещала ждать... и ждала. И дождалась бы.

Если бы знала, что он жив.

Если бы не то письмо. Отправленное мне по ошибке из-за какой-то путаницы в именах. Если бы не мой кулон с локоном, который я своими руками надела на шею Багрицкому перед тем, как он отправлялся в ту командировку. Кулон, который он клялся не снимать, пока жив.

Мне, юной влюбленной идиотке, обожавшей английские романы, это казалось таким романтичным.

Этот кулон выпал из конверта, в котором был листок бумаги с несколькими фразами, официальными печатями и подписями.

"С глубоким сожалением сообщаем... Погиб... при выполнении..."

Я с трудом помнила следующие недели. После первой истерики меня постоянно накачивали успокоительными.

А еще был отец, моментально состарившийся – но не из-за гибели моего жениха, который ему никогда особенно не нравился. А из-за внезапных и очень серьезных проблем в небольшом семейном бизнесе.

По стечению обстоятельств появившийся в моей жизни Виктор.

И мама, со слезами на глазах уговаривающая принять предложение мужчины, который влюбился в меня с первого взгляда. Иначе наша семья погрязнет в долгах и пойдет по миру.

Если бы я нашла в себе силы очнуться и отказаться от лекарств. Если бы только допустила мысль об ошибке. Если бы подождала хотя бы еще два месяца до того момента, как Эдуард вернулся из той своей командировки, где находился без связи – он ведь предупреждал меня об этом.

Если бы... если бы...

История не терпит сослагательного наклонения.

А я, сама того не желая, оказалась предательницей. И этот факт ничто не изменит.

И лицо Багрицкого, как в дурном сериале явившегося прямо к ЗАГСу после завершения моей с Виктором свадебной церемонии, я тоже никогда не забуду.

Судя по выражению его лица сейчас, в эту конкретную минуту, он тоже вспоминает именно ту нашу последнюю встречу.

И у меня нет сил отвечать на вопросы, если вдруг он соберется мне их задать. Потому что разговора между нами так и не состоялось.

Меня тогда, возле ЗАГСа, только смирли презрительным взглядом.

Как я не упала в обморок в тот же момент, сама не знаю. Оставшуюся свадьбу помню смутно, как сквозь туман. А ещё помню... крепкую хватку Виктора, своего уже мужа, у себя на руке повыше локтя, синяк, оставшийся от неё, и его голос, шипящий мне на ухо, что обратного пути нет и чтобы я держала себя в руках, иначе не поздоровится всей моей семье.

– Нина, давай так, – наконец говорит Эдуард. – Настаивать я не буду. Принуждать тебя не собираюсь. Но я совершенно точно знаю одно – в нашей стране, увы, никакой государственной или частный кризисный центр не обладает такими возможностями, чтобы противостоять Виктору Апраксину. Даже если разгорится скандал. Особенно если разгорится скандал, – подчеркивает последние слова голосом. – Мне бы очень хотелось сказать: да, конечно, езжай туда и все будет в порядке. Но, к сожалению, не будет. Почти наверняка.

– А у тебя, значит, есть возможности ему противостоять? – поднимаю на него глаза.

Понимаю, что эта фраза звучит очень так себе, но Багрицкий реагирует спокойно.

– Нет, – качает головой. – Но есть кое-что другое.

– Что? – хмурюсь, пытаюсь предположить, о чем он.

– Этого я тебе не скажу, – он складывает руки на груди. – Может, позже. Но не сейчас.

Решать тебе.

Смотрю на зевающую Дану. Малышке пора бы уже поспать.

А еще представляю, как мне сейчас придется с ней на руках добираться до нужного места на общественном транспорте, потому что такси без мобильного я вызвать не смогу.

– Ну что? – прищуривается Эдуард. – Поехали?

– Д-да, – киваю через силу. – Да. Спасибо.

– Рано благодаришь, – мрачно отмахивается майор. – Бери дочь. Детского кресла у меня нет, придется обойтись так.

– А заявление? – спохватываюсь, кинув взгляд на листы, так и продолжающие лежать на столе.

Багрицкий косится на них с ощутимой неприязнью.

– Идем, – кивает, вздохнув.

Забирает бумаги, открывает дверь кабинета, выпуская меня с Даной на руках.

– Илья Вадимович, – обращается к дежурному, снова подскочившему со своего места. – Возьми. Оформи по всем правилам, чтоб комар носа не подточил.

– Так точно, товарищ майор, – полицейский забирает у него бумаги.

Эдуард, кивнув, молча показывает мне глазами, чтобы следовала за ним.

Мы выходим, мужчина, пикнув сигнализацией, открывает мне машину.

– Садись, пристегнись, – командует отрывисто.

Я не решаюсь даже сказать что-то. Он выглядит так, словно в любой момент ждет какой-то гадости.

Если б я верила в это все, наверное, потом сказала бы, что он сам притянул к нам неприятности.

Но это явно моя прерогатива.

Потому что мы не успеваем еще даже доехать туда, куда везет меня майор, как у него начинает вибрировать мобильный.

Глава 7

– Слушаю, – Багрицкий отвечает на звонок.

В ответ раздаётся такой экспрессивный мат, который даже до меня доносится, хотя мобильный у него не на громкой связи.

– Так, – мужчина притормаживает, съезжая в карман, кидает на меня с дочерью взгляд в зеркало заднего вида. – Так. Угу. Так. Нет, я не в курсе. Никак нет. Да, заявление приняли, и девушка с дочерью уехали. До метро ближайшего. Не знаю. Понял, товарищ полковник. Без вопросов. Конечно, сообщу.

Отключается и разворачивается на сиденье, глядя теперь прямо мне в лицо.

Прижимаю к себе сильнее задремавшую Дану, потому что меня накрывает волной страха.

– Где сегодня должен был находиться твой муж? – спрашивает ровным безэмоциональным тоном. – Я надеюсь, ты планировала свой уход не на такое время, чтобы он дремал в соседней комнате?

– У него должна была быть деловая встреча, – сглатываю, облизываю пересохшие губы. – Что-то связанное с его работой в политике. Присутствие жён там не подразумевалось. Меня с ребёнком не выпустили бы из поля зрения просто так, но... я записала Дану к врачу как раз на это время. Я знаю эту клинику, мы бывали в ней не раз. Там несколько выходов. Вышли из дальнего, не того, в который заходили, быстро сели в такси. По дороге остановились, я выбросила карты, телефон оставила в машине. Адрес указывала не полицейского участка, а жилого дома в двух улицах от него.

Эдуард смотрит на меня внимательно, потом коротко кивает.

– Ты всё сделала правильно, ну, насколько это было возможно в твоей ситуации, – говорит негромко. – Но не могла учесть всего.

– Виктор, да? – шепчу одними губами. – Он уже узнал... Так быстро...

– Похоже, встреча закончилась раньше, – пожимает плечами Багрицкий, разворачивается, кладёт руки на руль. – Или её вообще отменили. А у меня в отделе, по-видимому, есть крыса. Потому что информацию слили быстрее, чем... – обрывает сам себя, сжимает челюсти.

– Но откуда он узнал, что я пошла в полицию? – вопросы мечутся у меня в голове, я лихорадочно пытаюсь сообразить, где именно прокололась.

Раз Виктор сразу понял, что я не просто попробую сбежать, а отправлюсь писать на него заявление, значит, что-то было. Чем-то я себя выдала. Но чем?!

– Ты здесь ни при чём, – мрачно отвечает на мои мысли майор. – Это... в общем, по другой причине.

Собираюсь спросить, по какой, но натыкаюсь на его взгляд и прикусываю язык.

Он не скажет. Хотел бы – сразу объяснил. А раз молчит, значит, вопросы задавать бесполезно.

– Ты сказал, что... – запинаясь, но продолжаю: – ...ну, по телефону. Сказал, что не в курсе. Это был ответ на вопрос, где мы?

– А надо было сообщить, что ты с дочерью у меня в машине? – со злой язвительностью уточняет Эдуард.

– Прости, – шепчу, опуская голову и утыкаясь губами в макушку Даны.

Вдыхаю сладкий младенческий запах и зажимаюсь, чувствуя, как глаза заполняются слезами.

Не нужна майору проблема в моём лице. Совершенно точно не нужна. Надо, наверное, попросить, чтобы подкинул до того центра помощи, который я рассматривала в первую очередь. Там я хотя бы Михаилу сразу позвоню.

Не знаю, входило ли в его планы, что не пройдёт и пары часов, как Виктор всё узнает. Машина тем временем трогается с места. Но Багрицкий тут же разворачивается, направляясь...

В обратную сторону?!

– Куда мы едем?! – ненавижу себя за эту панику в голосе, но сдержать её не получается. Не то чтобы я думала, что он отвезёт меня обратно в полицейский участок...

Но иногда – и в последнее время чаще, чем хотелось бы – страх берёт надо мной верх.

– Я обещал тебе безопасное место, – тон мрачный, но сомнений в нём не слышно совершенно. – Туда, куда я собирался вас отвезти, вам теперь нельзя. Там вы остались бы одни, без присмотра. Сейчас это уже не вариант, раз Апраксин в курсе, что ты написала заявление и делу дан ход.

Замолкает, следя за дорогой, пока я перевожу дыхание.

То есть...

Он не отказывается от мысли помочь нам?

– И куда мы едем теперь? – спрашиваю неуверенно.

– Ко мне, – отрезает мужчина. – Поживёте у меня.

– Ч-что?!

– Хочешь обратно к Виктору? – цедит он сквозь зубы.

– Н-нет, не хочу, – мотаю головой.

– Ну вот и всё тогда! – ворчит Эдуард.

Спустя полчаса мы приезжаем в район, знакомый мне, как мои пять пальцев.

Чувствую, как тяжело становится дышать.

Он живёт там же, в той же квартире, что и раньше.

Господи, как я выдержу это?!

– Выходи, – Багрицкий раздражённо дёргает дверь машины, но тут же сбавляет тон, видя спящую Дану на моих руках. – Давай, помогу.

– Да я сама, – кое-как сдвигаюсь, спуская ноги на землю.

Моя малышка всё-таки уже не совсем малышка – тяжёленькая, особенно когда спит, расслабившись.

Собираюсь уже встать, морщась про себя – «приветы» от Виктора дают о себе знать, и спина болит – как меня вместе с дочерью чуть не поднимают на руки! И не успеваю я пискнуть, как осторожно опускают на землю.

– Аккуратно, – чувствую тёплое дыхание рядом со своей щекой.

Эдуард так близко, что я, не удержавшись, глубоко вдыхаю знакомый чуть терпкий запах. И чувствую, как мужчина, дёрнувшись, резко отодвигается в сторону.

– Идём, – голос у него какой-то сдавленный. – Дану забрать или сама донесёшь?

– Сама, – киваю, отводя глаза. – Спасибо.

– Хватит благодарить, – сердито отмахивается мужчина.

Медленно поднимаемся на его третий этаж, Багрицкий, достав ключи, открывает дверь.

И я зажмуриваюсь от яркого света в коридоре.

А потом сердце у меня останавливается, когда слышу:

– Эдик, ты сегодня рано! – довольный девичий голос, тон которого тут же меняется на растерянный. – А это ещё кто?

Глава 8

– А ты что здесь делаешь? – недовольно спрашивает майор, пока я силюсь вспомнить, как дышать.

– Не слишком-то ты гостеприимен, братец, – молоденькая девушка хмурится, – мог бы хотя бы сделать вид, что рад сестрёнке! Я, между прочим, ужин тебе приготовила и рассчитывала на благодарность, а ты тут баб водишь непонятных! – язвительно вскидывает одну бровь, прислоняется к дверному косяку и складывает руки на груди.

Братец? Сестрёнка?

О, господи, да это же...

– Эвелина? – спрашиваю неуверенно.

У Багрицкого помимо трёх младших братьев есть младшая сестра. Самая младшая из всех. Любимица отца и матери. Хотя у них у всех были прекрасные отношения. Он в своё время знакомил меня со всем своим огромным семейством, но Эви тогда было только пятнадцать лет, да и виделись мы всего-то пару раз.

– Мы знакомы? – девушка отлипает от косяка, растерянно смотрит на меня, переводит взгляд на Дану, потом снова возвращается ко мне. – Нина?! – ахает вдруг.

– Д-да, – киваю, но появившаяся было на моих губах улыбка тут же с них сползает.

Потому что Эви мрачно сводит брови и сжимает кулаки, становясь настолько похожей на Эдуарда, что оторопь берёт.

– И зачем ты явилась?! Снова хочешь разбить сердце моему брату?!

– Эвелина! – рывкает Багрицкий.

– А что «Эвелина», что «Эвелина»?! Скажешь, я не права?! – мелкой фурией набрасывается на здоровенного полицейского девчонка.

Сглотнув, пячусь назад, прижимаю к себе покрепче заворочавшуюся у меня на руках Дану.

– Заглохни! – бросает надувшейся сестре заметивший мои движения майор. – Не видишь, ребёнок спит!

– Что она здесь делает?! – шипит Эви, сбавив тон, но взгляды на меня бросает недружелюбные.

И я её понимаю. Будь у меня старший брат, и с ним бы так поступила невеста, тоже, наверное, вела бы себя примерно так же.

– Кажется, это моя квартира, а не твоя, – поднимает брови Багрицкий, глядя на недовольную Эвелину. – И я привожу сюда того, кого хочу. Так что будь добра, не задавай лишних вопросов. Идём, – поворачивается ко мне. – Положишь девочку в спальне.

– Я в обуви, а на улице было сыро... – начинаю неуверенно, но тут майор в очередной раз за сегодняшний вечер просто вгоняет меня в ступор.

Подходит, опускается на корточки, опираясь коленом в пол, и... начинает расшнуровывать мои ботинки!

– Осторожно, держи равновесие, не упади, – придерживая одной рукой за бедро, тянет мою ногу вверх, снимая один ботинок, затем повторяет то же самое со вторым. – Всё, пойдём, – поднимается и тормозит, глядя мне в лицо. – Что? – спрашивает озадаченно.

Сталкиваюсь взглядами с Эвелиной – на её лице, кажется, такое же ошеломлённое выражение, как на моём.

– Нина, идём, – повторяет майор, и я, спрятав подальше собственное смятение, киваю.

Прохожу следом за мужчиной в комнату, заставляя себя не оглядываться. Здесь мало что изменилось... И от этого безумно больно.

– Клади её сюда, – тихо произносит Багрицкий, указывая на кровать. – Она как спит, беспокойно? Может, подушки положить по сторонам?

– Да, можно положить. В целом спит спокойно, – качая головой, – но мне нужно быть поблизости.

Опускаю спящую Дану на застеленную постель, осторожно стягиваю с неё шапочку, вытаскиваю расслабленные ручонки из комбинезона.

А потом, забывшись, выпрямляюсь слишком резко.

И сдержать слабый стон не получается.

– Что?! – Эдуард дёргается ко мне, но яставляю вперёд руку.

– Н-ничего, – морщусь, осторожно меняя положение тела. – Всё в порядке, я просто... просто...

– Давай ты не будешь делать из меня идиота! – цедит Багрицкий. – Быстро говори, в чём дело?

– Просто спина болит, – выдавливаю наконец. – Ничего страшного.

– Почему? – мужчина хмурится. – Где успела повредить?

Смотрю на него непонимающе, а потом до меня доходит – он же не прочитал моё заявление. Прочитал бы – и вопросов таких не возникло.

– Нигде, – отмахиваюсь, но Багрицкого так просто с пути не сдвинешь.

– Нина, не надо меня бесить, – он делает шаг ко мне. – Снимай свою рубашку и показывай, что там у тебя.

– Не буду я ничего показывать! – ахаю, вцепившись в ткань, словно он уже пытается с меня её снять. – Ты не врач! И вообще... – закусываю губу и прячу глаза.

Меня снова накрывает стыдом.

Потому что невыносимо это – признаваться в таком вслух...

– Это он, да?! – тяжело произносит Эдуард, сверля меня взглядом. – Это Апраксин?

Сжимаюсь, ничего не отвечая.

– Нин, тебе надо к врачу, – слышу сдавленное. – Но сейчас я тебя никуда не повезу. Небезопасно. Позволь, я просто посмотрю, нет ли серьезных повреждений и переломов, на это моих знаний хватит. Нина?

– Не надо... – прошу его слабо.

– Ты же взрослая девочка, всё понимаешь, – его голос начинает звучать мягче. – И сама ты себе спину не посмотришь. Не надо бояться. Ну?

Занемевшими пальцами кое-как расстёгиваю пуговицы и, повернувшись к мужчине спиной, стягиваю рубашку.

Звук раздаётся такой, словно он давится воздухом, судорожно втягивая его в себя сквозь зубы.

Похоже, зрелище там очень так себе.

– Я... проверю, что там с рёбрами, не пугайся, – его пальцы касаются кожи, и я вздрагиваю так, что даже сдвигаюсь на шаг.

– Может, кто-то всё-таки придёт поесть ужин, который я готовила! – раздаётся раздражённый голос Эвелины от двери, а затем растерянно-испуганное: – Ой!

Глава 9

Судорожно прижимаю рубашку к груди, глядя на застывшую в проходе Эвелину, которая с ужасом смотрит на всю нарисовавшуюся перед ней картину – я без рубашки, с обнажённой спиной, покрытой синяками, Эдуард сзади, осторожно поглаживающий мне рёбра и поясницу.

А потом со стоном роняю лицо в руки, зажимаясь.

Просто потрясающе.

– Выйди отсюда! – Багрицкий отрывает от меня ладони, делает шаг по направлению к двери. – Немедленно!!!

Подняв глаза, успеваю заметить, как Эви испуганно шарахается назад и исчезает. А Эдуард возвращается ко мне.

– Я поговорю с ней, – говорит негромко. – Не переживай, она никому ничего не скажет. Эва не болтушка на самом деле, – снова касается моих ребёр, я опять вздрагиваю, но уже не так сильно, как в первый раз.

– Больно? – он действительно прощупывает мне спину, и страх постепенно уходит.

– Не больше, чем обычно от синяков, – выговариваю наконец непослушными губами.

– Переломов вроде бы нет, – Багрицкий отступает на пару шагов, давая мне возможность натянуть рубашку. – Но вот внутренние повреждения... – мрачнеет. – Тебе нужно показаться врачу.

– Ты сам сказал, что это небезопасно, – качаю головой. – Судя по скорости, с какой информация достигает ушей моего мужа, стоит мне поехать в любую травматологию – он узнает об этом спустя пару минут.

– Тем не менее, тебе требуется полноценный осмотр, – хмурится мужчина. – Ладно, с этим разберёмся. Пойдём, тебе надо поесть.

– Н-нет, спасибо, – пячусь к кровати. – Я... не хочу. Я не голодная! Лучше с Даной полежу!

– Нина, ну хватит уже, – устало вздыхает Эдуард. – Когда ты ела последний раз? Выглядишь так, будто тебя первый же порыв ветра снесёт. Дана спит, мы оставим дверь открытой, если проснётся – ты услышишь. Пойдём. Эва тебе ничего не сделает. Я, правда, не рекомендовал бы есть из её рук всё подряд, – хмыкает саркастически. – Сестрёнка иногда чересчур увлекается экзотическими блюдами... Но, надеюсь, сегодня ничего экстремального она не готовила.

Кинув взгляд на крепко спящую дочку, понимаю, что отказываться дальше уже просто невежливо, и неуверенно киваю.

– Я скажу ей пару слов, – Багрицкий проходит вперёд. – А тебе, наверное, хотелось бы руки вымыть или, может умыться, – кидает взгляд на моё лицо, отводит глаза. – Ванная прямо по коридору, кухня потом налево.

– Я помню, – шепчу через силу, уже глядя вслед ушедшему мужчине.

Делаю несколько глубоких медленных вдохов, рёбра жалуются ответной болью, но я не обращаю на неё особого внимания. Привыкла. Наклонившись, поправляю подушки вокруг Даны и иду в ванную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.